

В. Я. ЕВСЕЕВ

### КАРЕЛЬСКИЕ ВАРИАНТЫ ПУШКИНСКИХ СКАЗОК

Приобщение карел к русской культуре ярко отражается на общности разработки сказочных сюжетов и вообще сказочной традиции у карел и русских. В отдельных случаях сказочные сюжеты, переставшие бытовать среди русских, сохранились в карельской фольклорной среде. Записанные от карел в десятках вариантов сюжеты пушкинских сказок о рыбаке и рыбке и о царе Салтане вместе с рядом историко-этнографических явлений подтверждают мысль о том, что карелы сохранили ту допушкинскую традицию русских народных сказок, одной из последних представительниц которой, возможно, была и няня Пушкина — Арина Родионовна.

В связи с этим следует признать справедливой критику космополитической концепции, пытающейся снизить значение Арины Родионовны для творчества А. С. Пушкина и переоценить влияние сборников братьев Гримм и произведений американского писателя Вашингтона Ирвинга. Низкопоклонство перед западом заставило литературоведа В. Сиповского утверждать, что гриммовская сказка «О рыбаке и рыбке» не только параллель, но и непосредственный источник пушкинской сказки о рыбаке и рыбке<sup>1</sup>. Предшественнику В. Сиповского — Н. Ф. Сумцову вопрос о непосредственной зависимости пушкинской сказки от какого-то русского источника представлялся совершенно бесспорным, и гриммовскую сказку он считал лишь параллелью пушкинской, но не ее источником<sup>2</sup>. Значительно позднее С. М. Бонди<sup>3</sup> показал, что в черновике сказки Пушкина имеется отсутствующий в окончательном тексте сказки и характерный для западноевропейских и гриммовского вариантов эпизод о желании жены рыбака быть лапой римским. Но это обстоятельство еще не говорит о подлинных источниках пушкинской сказки. То, что А. С. Пушкин не использовал этот эпизод в окончательном тексте сказки, свидетельствует о его желании ограничиться лишь русскими народными источниками.

<sup>1</sup> В. Сиповский. Руслан и Людмила («Пушкин и современники», т. IV, 1906, стр. 81).

<sup>2</sup> Н. Ф. Сумцов. А. С. Пушкин. Харьков, 1900, стр. 289—296.

<sup>3</sup> С. М. Бонди. Новые страницы Пушкина. Москва, 1931.

Если мы обратимся к признаниям самого А. С. Пушкина о русских сказках, то никакого влияния иноземных авторов Запада в них мы не заметим. «Сказка сказкой, — говорит Пушкин, — а язык наш сам по себе, и ему то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это делать. Надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке».<sup>1</sup> Когда великий русский критик В. Белинский писал про пушкинскую сказку о рыбаке и рыбке, что «...народу принадлежит только ее мысль, но выражение, рассказ, стих, самый колорит, — все принадлежит поэту»,<sup>2</sup> то этим он утверждал право пушкинской сказки на национальную оригинальность.

И после этого, исходя из компаративистского формально-сравнительного метода, приравнивающего русскую национальную культуру, проф. М. К. Азадовский находил возможным голословно отрицать русские народные корни сказки о рыбаке и рыбке и писал: «Сказка Пушкина совершенно чужда русской традиции, но примыкает всецело к традиции западноевропейской. Ближе всего она к сказке сборника братьев Гримм»<sup>3</sup>. Уже академик Ю. М. Соколов справедливо критиковал М. К. Азадовского за его попытки снизить значение Арины Родионовны в творчестве Пушкина<sup>4</sup>.

Сказочные мотивы о желании жены рыбака быть уткой, царем, богом и вообще сюжет сказки о рыбаке и рыбке характерен как для русской, так и для эстонской, финской, лопарской, норвежской, шведской сказочной традиции. Это показано в исследовании Поливки, Яворского, Майкова<sup>5</sup>. Согласно фламандской, южно-французской, литовской, жмудской, кашубской, хорватской, белорусской и частично русской версии, рыбка исполняет ненасытные требования жены рыбака.

Варианты таких русских сказок можно найти в сборниках Афанасьева, Смирнова, Худякова и других<sup>6</sup>. Можно считать отдельные, записанные от русских сказителей варианты сказки о рыбаке и рыбке всецело результатом влияния пушкинского текста этой сказки. Это, конечно, не исключено, так как гений Пушкина давно нашел признание среди широких слоев русского народа<sup>7</sup>. С другой стороны, имеются все основания утверждать, что для русской сказочной традиции вполне характерен мотив об исполнении желаний жадной жены не только волшебным деревом или волшебными существами при залезании бедняка на небо по бобовому стеблю, но и с помощью дарителя-рыбы. Если первая версия этой сказки отражает в себе земледельческие интересы большинства русского населения (чем и объясняется несколько большая распространен-

<sup>1</sup> Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 418.

<sup>2</sup> В. Белинский. Статья одиннадцатая. О сочинениях Александра Пушкина.

<sup>3</sup> М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938, стр. 69.

<sup>4</sup> Ю. Соколов. Пушкин и народное творчество. «Лит. критик», № 1. 1937, стр. 126.

<sup>5</sup> J. Polivka. Rybára zláta rybka. Narodopisky sbornik ceskoslovansky, 1, 1897, стр. 49—63; Ю. А. Яворский. К истории пушкинских сказок. В. Майков. Сказка о рыбаке и рыбке Пушкина и ее источники. Журн. Мин. Нар. Просв., 1892, V.

<sup>6</sup> А. Афанасьев. Народные русские сказки. Москва, 1863, вып. VIII, № 15; А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива русского географич. общ., 1917, №№ 125, 149, 363. Худяков. Великорусские сказки. I, 37. В других вариантах русских сказок ненасытные требования жадной старухи чаще всего выполняются другими волшебными дарителями (см., напр., у Афанасьева №№ 39, 40, у Смирнова № 240, у Н. Ивановича в «Материалах по этнографии Вологодской губернии за 1890 г.» № 16, в «Записях Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отд. Российского географич. общ.» 1, №№ 1—30.

<sup>7</sup> Сравни. И. В. Карнаухова. Сказки и предания Северного края, 1934, № 107.

ность этой версии), то вторая, менее распространенная среди русских версия — развивалась преимущественно там, где огромную роль играли рыбные промыслы. Нижеизлагаемые соображения приводят к той мысли, что сказка о рыбаке и рыбке была близка русской сказочной традиции допушкинского времени.

Нет оснований считать гриммовскую сказку «Рыбак и его жена» (французский перевод которой имелся в одной из книг личной библиотеки Пушкина) единственным источником сюжета пушкинской сказки о рыбаке и золотой рыбке. Текстологические разыскания С. М. Бонди никак не могут подтвердить тот факт, что, кроме занимавшего свое место в личной библиотеке поэта книги французских переводов сказок братьев Гримм, А. С. Пушкин никакими иными источниками народного сюжета этой сказки, якобы, не пользовался. Наличие в черновике Пушкина мотива о желании старухи быть папой римским говорит лишь о том, что и гриммовскую сказку Пушкин в первом своем варианте не упустил из поля своего зрения. Однако близкое знакомство Пушкина с Далем, совместное путешествие с ним в 1833 г. по сбору материалов о Пугачеве помогло великому русскому поэту ознакомиться с собранием сказок Даля, где сказка золотая рыбка представлена так же, как и в сборнике Афанасьева. Трудно предположить, чтобы записи Даля или сказки Афанасьева о рыбаке и рыбке (появившиеся в печати уже через два-три десятка лет после опубликования пушкинской сказки) могли быть всего лишь простыми фольклорными переделками пушкинской сказки. В пользу такого упрощенного решения вопроса о сказке Афанасьева не говорит и ее текстуальная близость к пушкинской сказке. Поэтому нельзя считать вариант Афанасьева — Даля простой фольклорной переделкой пушкинской сказки, т. к. последняя не могла получить широкое распространение за такой короткий промежуток времени после опубликования сказки о рыбаке и рыбке.

Необходимо отметить, что имеются и другие возможные народные источники пушкинской сказки. Любопытно, что в Вильно через 20 лет после опубликования пушкинской сказки вышел из печати сборник белорусских сказок, переведенных Глинским на польский язык. В этом сборнике имеется записанная в пятидесятые годы XIX века в бывшем Новогрудском уезде Минской губернии сказка, чрезвычайно близко передающая текст пушкинской сказки о рыбаке и рыбке. Этот белорусский вариант, кроме некоторых почти текстуальных сходжений, обнаруживает и различия по отношению к пушкинской сказке. Если, согласно пушкинского текста, старуха становится дворянкой, то в белорусском варианте середины XIX века говорится о панском дворе и сидящей на крыльце старушке в шелковом платье.<sup>1</sup> Проникновение пушкинской сказки в «народ», т. е. в данном случае к белоруссам И. Поливка считал мало вероятным,<sup>2</sup> хотя и указывал на то, что белорусская сказка у Глинского производит впечатление перевода сказки Пушкина.

В варианте сказки «Про щуку-золотую рыбку», записанном от карельского сказителя Господарева, по происхождению белоруса, также отсутствует мотив о желании старухи быть дворянкой; сама же щука-золотая рыбка, согласно варианту Господарева, поймана стариком в ведро, а не в сети, как у Пушкина.<sup>3</sup> Кстати, в XIX веке в бывшем Росеньском

<sup>1</sup> A. J. Glin ski. Bajarz polski Wilno, 1853.

<sup>2</sup> J. Polivka. Lidove povidky slovanske. I, Praze, 1929, стр. 1—22.

<sup>3</sup> Сказки Ф. П. Господарева. Петрозаводск, 1941, стр. 350—353.

езде Ковенской губернии была записана одна литовская сказка, близкая как к белорусскому варианту, так и к пушкинскому тексту.<sup>1</sup>

Поскольку находящееся в бывшей Псковской губернии село Михайловское прилегало в свое время к территории Белоруссии и Литвы, постольку есть основания предполагать, что и Арина Родионовна, уроженка этого края, могла знать сказку о рыбаке и золотой рыбке. Однако в записи от нее эта сказка отсутствует. На записанных через 100 лет В. Н. Чернышевым<sup>2</sup> от сказителей окрестностей села Михайловского двух вариантах сказки о рыбаке и рыбке, безусловно, могло сказаться прямое влияние пушкинского текста. Интерес к нему у сказителей с Михайловского мог возникнуть и в связи с существованием устной сказочной традиции допушкинского времени.

Необоснованность утверждения о полном отсутствии среди русских допушкинской народной традиции сказки о рыбаке и рыбке совершенно очевидна. Косвенным подтверждением бытования этой сказки на русском севере вплоть до начала XIX века, т. е. до детских лет А. С. Пушкина, в какой-то мере является наличие сказки о рыбаке и рыбке в сказочном репертуаре карел, связанных с русским народом узами многовековой дружбы и находившихся под постоянным благотворным воздействием восточно-славянской культуры. Не подлежит сомнению то, что неграмотные карельские сказители не могли полностью усвоить эту сказку не только из сборника братьев Grimm, но даже из публикации сказки Пушкина, лубочные издания которой по имеющимся сведениям до карел почти не доходили. Между пушкинскими сказками и их устно-традиционными народными версиями имеются не только текстуальные сходжения (которые могут быть и результатом бережного отношения Пушкина к народным источникам своих сказок), но и значительные композиционные расхождения, что, разумеется, можно объяснить лишь существованием устной народной традиции сказок о рыбаке и рыбке и царе Салтане еще до того, как Пушкин написал свои сказки на эти сюжеты. Кроме этих двух сказок на сюжеты, использованные А. С. Пушкиным, в репертуаре карельских сказителей имеется и пушкинская сказка о мертвой царевне. Наиболее близок к пушкинскому тексту вариант сказительницы района Калевалы М. И. Михеевой, но мотивы этой сказки имеются и в вариантах сказительницы Ругозерского района О. В. Сидоровой и сказителя Олонецкого района Савинова. Однако наша статья сводится в основном к анализу пушкинских сказок о рыбаке и рыбке и о царе Салтане.

Остановимся на сюжетной схеме, на пересказе сюжета и анализе отдельных вариантов сказки о рыбаке и рыбке, записанных от сказителей-карел разных районов Карело-Финской ССР. Согласно сказке, записанной в 1936 г. от 73-летнего неграмотного колхозника дер. Сорбола Видлицкого сельсовета Олонецкого района К-ФССР, сказителя-карела И. П. Естафеева, слышавшего эту сказку от своего престарелого отца в детстве, — золотая рыбка исполняет желания жадной жены рыбака, устроив ей сначала крестьянский дом, затем дворянские хоромы; последнее желание (царский дворец с церковью, с хрустальным мостом и соловьем, заливающимся трелью) не выполнено, и старуха попрежнему остается прясть в развалившейся избушке. В этом варианте сказки

<sup>1</sup> M. Dawojna. Sylwestrowicz. Podania Zmujdzkie. I, Warszawa, 1894. стр. 236 и след.

<sup>2</sup> В. Н. Чернышев. Сказки и сказочники пушкинского уголка. «Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ». Л., 1928, стр. 15—26.

отсутствуют мотивы об изображенных Пушкиным первым и последнем желании жадной жены рыбака: иметь новое корыто и быть владычицей морской. Но зато в нем имеются отсутствующие в пушкинской сказке мотивы о хрустальном мосте, соловье и церкви около царского дворца. Вариант сказки, записанный от Естафеева, характеризуется и тем, что в нем, как и в некоторых других карельских вариантах сказки о рыбаке и рыбке, стержневые определения (золотой, крестьянский, дворянский, царский, хрустальный) и термины — рыбка, дворец, соловей не переводятся на карельский язык, выступая как лексические заимствования из русского языка. Однако такие неперебиваемые термины и определения появляются и в живой карельской речи.

В варианте сказки, записанной от карела П. Н. Акимова, колхозника дер. Марозеро Вагвозерского сельсовета Олонцкого района, отсутствуют не только мотивы о новом корыте и владычице морской, но нет ни слова о дворянских хоромах, царском дворце и других мотивах, характеризующих пушкинскую сказку. В этом варианте говорится о том, как золотая рыбка приносит старику хорошие одежды. Старик трижды по приказу старухи просит от рыбки помощи и золотая рыбка удовлетворяет просьбы. Наконец, когда старуха пожелала, чтобы пища сама влезла ей в рот, рыбка отказывается выполнить такое сумасбродное требование, и старик со старухой остаются в рваных лохмотьях и развалившейся избушке. В пушкинской сказке этого мотива нет.

Как видно, между пушкинской сказкой и вышеуказанным вариантом олонцкого карела П. Н. Акимова имеется значительное различие. Если сюжет пушкинской сказки развертывается в плане социальной сатиры на дворянство и царскую власть, то вариант Акимова высмеивает отрицательные черты характера жадной старухи лишь в этическом плане, не отмечая продвижение жены рыбака по сословной лестнице. Старуха в этом варианте, как и в некоторых других вариантах, не изъявляет желания быть дворянкой и царицей, в чем нет ничего удивительного, поскольку дворяне и цари не находились в поле зрения карельского крестьянства, которое удовлетворялось тем, что слышало и знало о существовании этих сословных групп за пределами своего края.

Вышеупомянутые варианты сказки о рыбаке и рыбке записаны в Олонцком районе Карело-Финской ССР на ливвиковско-карельском диалекте.

Значительно отличаются от пушкинского текста и карельские варианты сказки о рыбаке и рыбке, записанные в других районах Карело-Финской ССР. В Петровском районе республики на людиковско-карельском диалекте записано несколько очень близких друг другу вариантов этой сказки, из которых вариант 68-летнего карела Ф. Луккарева, записанный в 1938 г., обнаруживает по отношению к пушкинскому тексту различие в том, что если в последнем за первые два раза в сеть попадает тина и трава морская, а на третий раз в ту же сеть попадает золотая рыбка, то у карела Ф. Луккарева, как и в других людиковских вариантах, рыбак ловит удочкой, притом, в первые два раза попадают простые рыбы, а в третий раз — золотая рыбка.

В этих вариантах сказки о рыбаке и рыбке, в частности по Ф. Луккареву, старуха приказывает старику выпросить у золотой рыбки корыто и дом, подобный дворцу, и желает быть сначала женой царя, а затем и владычицей морской, с тем, чтобы золотая рыбка служила ей. Таким образом, в людиковско-карельских вариантах вторая часть сказки,

т. е. перечень требований старухи, в большей мере приближается к пушкинскому тексту, чем та же часть сказки в ливвиковско-карельских вариантах Олонецкого района К-ФССР. Эти людиковские варианты сказки о рыбаке и рыбке характеризуются и тем, что в них в карельский текст вылетаются не только отдельные лексические заимствования из русского языка, но и почти целые предложения по-русски. Учитывая по сравнению с карелами-ливвиками более высокий процент грамотности до Октябрьской революции среди людиков-карел, можно предполагать, что в людиковских вариантах скрестилась устная допушкинская традиция сказки о рыбаке и рыбке с литературной пушкинской традицией и, возможно, в некоторой мере людиковские варианты являются народной переделкой пушкинской сказки.

Можно сказать, что в ряде случаев интерес к пушкинской сказке о рыбаке и рыбке мог возникнуть под влиянием устной традиции сказки на этот сюжет допушкинского времени, которая в результате влияния литературной версии могла лишь частично сохранить свои допушкинские мотивы и особенности стиля.

Из собственно карельских вариантов сказки о рыбаке и рыбке отметим произведенные в 1934 г. записи от 78-летней сказительницы В. А. Васара и А. Леонтьева в селе Вокнаволок района Калевалы Карело-Финской ССР. Согласно варианту первой сказительницы, старуха требует от золотой рыбки золотое корыто, избу, всевозможной пищи вдоволь, желает быть царицей и хочет добиться хорошей загробной жизни, но в последнем золотая рыбка отказывает старухе. По варианту же А. Леонтьева, старуха просит лишь избу, корыто и стол, но вместо того, чтобы дать стол, рыбка уплывает. Таковы основные особенности северно-карельской версии сказки о рыбаке и рыбке.

Записи сказки о рыбаке и рыбке произведены не только среди карел, но и среди вепсов. В частности, на вепском языке эта сказка записана от колхозника-вепса дер. Шоньсельга Винницкого района Ленинградской области В. Н. Кузьмина, причем его вариант значительно отличается от пушкинского текста. Согласно этой вепской сказке, рыбак по настоянию жадной старухи требует от окуня на первый раз корыто и избу, на второй раз заставляет окуня наготово вспахать и обработать поле и на третий раз требует наготово посеять, сжать и смолотить хлеб, просит скот и посуду и чтобы печь наготово топилась и варила, после чего все остается попрежнему.

Сюжет сказки о рыбаке и рыбке, как и все прочие сказочные сюжеты, следует изучать не изолированно от других сюжетов и даже произведений других жанров фольклора, а в диалектической взаимосвязи с другими близкими сюжетами и другими жанрами фольклора, и только тогда можно решить вопрос о масштабах бытования сюжета сказки о рыбаке и рыбке в допушкинские времена на русской и карельской фольклорной почве. Сказка о рыбаке и рыбке полигенетически связана с другой сказкой — с распространенной русской и карельской сказкой «По щучьему веленью», согласно которой, отпустивший пойманную щуку Омея получает от нее в благодарность всевозможные дары. Правда, в этой сказке нет мотивов о жадной старухе, но это говорит лишь о том, что обе сказки на древнерусской фольклорной почве были связаны друг с другом в те давние времена, когда они все еще находились в процессе становления и сюжетообразование в них еще не завершилось.

Видимо, первичная сюжетная коллизия обеих этих русских сказок в условиях еще не развитого социального неравенства, при отсутствии

резкого разграничения богатства и бедности, повлекшего за собой появление таких свойств характера, как жадность, была идентичной. Именно поэтому в первичной сюжетной коллизии мог отсутствовать мотив о жадной старухе; сюжет фольклорного произведения, давшего начало обеим русским сказкам, мог сводиться к мотивам о благодарных животных-предках и дарителях-помощниках. Говоря об этих мотивах, В. Я. Пропп в качестве примера берет и ту и другую сказку.<sup>1</sup>

Во всяком случае, обе версии русской и карельской сказки об исполнении желаний жадной старухи в целом ряде основных первичных эпизодов-мотивов переплетаются со сказкой «По щучьему веленью». Если, согласно некоторым вариантам сказки о рыбаке и рыбке (в частности, в сказке на этот сюжет, записанной от известного сказочника Господарева), щука-золотая рыбка, выполняющая все желания жадной жены рыбака, попадает не в сети, а в ведро, то аналогичный мотив о щуке, попавшей в ведро Омели, встречается в многочисленных вариантах сказки «По щучьему веленью». Если мы учтем то, что Господарев был родом из Белоруссии и именно оттуда завез в Карелию свой сказочный репертуар, то, может быть, не покажется случайным рядом с белорусской сказкой о ведре, в которое попадает рыбка, выполняющая желания жены рыбака, появление в латышской сказке национально-самобытного (но тем не менее эквивалентного мотиву о ведре) мотива о кувшине, с заключенным в нем великаном, который с этим кувшином попадет в сети<sup>2</sup> рыбака и отдает рыбаку много золота за свое освобождение. Разумеется, эта латышская сказка не сводится к сюжетам сказок о рыбаке и рыбке и «По щучьему веленью», но наличие обоих мотивов во всех этих разных сюжетах говорит о конкретно-исторической взаимосвязи развития этих сюжетов. Любопытно, что и вторая часть этой латышской сказки содержит мотивы о рыбной ловле. Согласно этой сказке, сын рыбака за удачу в рыбной ловле обещает вышедшему из моря великану своего мальчика, который в свою очередь женится на освобожденной им принцессе.

В некоторых своих мотивах сказка о дарителе-золотой рыбке<sup>3</sup> переплетается не только со сказкой «По щучьему веленью», но и со сказками типа «Два брата», «Две доли», «Счастье и богатство», где частично также проявляются, как и в сказке о рыбаке и рыбке, такие человеческие пороки, как жадность, корысть и зависть, и люди с такими слабостями оказываются наказанными. Если в сказке «По щучьему веленью» всевозможные поручения Омеле дают снохи или старшие братья, то даже в некоторых вариантах этой сказки они проявляют указанные пороки, а в русских же народных песнях сноха вообще часто называется жадной и завистливой.

В сказках типа «Два брата», «Две доли», «Счастье и богатство» богатый брат также оказывается завистливым, когда бедный брат получает кусок олова (или три гроша) и дает их рыбаку за рыбу, которую тот поймал в сети и во внутренностях которой оказывается драгоценный камень или кусок золота (сравн. у Афанасьева № 202). Согласно сказке Господарева «Две доли»,<sup>4</sup> на месте богатого брата оказывается

<sup>1</sup> В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 138.

<sup>2</sup> Латышские сказки (Latviesu pasakas). Рига, 1948, стр. 120—131.

<sup>3</sup> «Чудесная рыбка — золотые перья» как даритель-чудесный помощник появляется даже в русской былинке о Садко, где она помогает Садко выиграть «великий заклад» у новгородских купцов (см. Рыбников, II, № 134).

<sup>4</sup> Сказки Господарева, стр. 342—345.

жадная жена богатого брата, наказанная розгами на конюшне барина за то, что она из жадности последовала примеру бедняка, купившего рыбу, внутри которой оказался слиток золота. Кстати, в отдельных вариантах сказки о рыбаке и золотой рыбке, исполняющей желания старухи, также появляется мотив о наказании розгами на конюшне, но жертвой оказывается рыбак. Сюда же примыкает одна латышская сказка,<sup>1</sup> согласно которой бедный рыбак поймал в сеть рыбку с золотой чешуей, которая дарит рыбаку чешую, обращающуюся в деньги, но жадная и злая жена рыбака требует показать саму рыбу с такой золотой чешуей. Эту рыбу по частям съедают жена рыбака, кобыла, сука, кошка, от чего у них рождается по два сына, жеребца, щенка и котенка. Рыбак обещает одного сына царю, и этот сын рыбака с помощью золотых жеребца, щенка и котенка освобождает царевну от огромного ужа. Таким образом, здесь сочетаются не только вышеперечисленные сюжеты, но и (что особенно важно) сюжет о золотой рыбке-дарителе и сюжет о чудесных животных-помощниках. Такое же сочетание мотива о золотой рыбке и сюжета о чудесных помощниках-животных имеется в одной марийской сказке.<sup>2</sup> Наконец, в карельских сказках имеем аналогичную контаминацию тех же сюжетов о попавшей в сеть щуке и чудесных помощниках-животных, родившихся от ухи, которую щука предложила сварить из самой себя. Такие сказки записаны от северно-карельских сказочников района Калевалы К-ФССР Е. Антипиной, М. Михеевой, Митрофанова и В. Прохоровой.<sup>3</sup>

Отдельные мотивы-эпизоды сказки «По щучьему веленью» совпадают также и с соответствующими мотивами, появляющимися в вариантах другой версии сказки об исполнении желаний жадной старухи, где в качестве дарителя чаще всего выступает дерево. Если в вариантах русской сказки, записанных, например, в Пудожском районе К-ФССР, липа предлагает старику все, что лишь он захочет, лишь бы он ее не срубил, а старуха просит сначала дров, затем хлеба и, наконец, чтобы все люди их боялись (в результате чего старик со старухой превращаются в медведей),<sup>4</sup> то согласно многим вариантам сказки «По щучьему веленью», герой также послан за дровами. Кстати, дерево (или его дупло, его пень) оказывается источником денег или золота также и согласно северно-русской сказке на совершенно другой сюжет «Счастье и богатство», согласно которому богатый отталкивает, а бедный не пренебрегает деревом, оказывающимся непредвиденным источником богатства (см. у Ончукова № 159).

Характерно, что один карельский вариант сказки об исполнении желаний жадной старухи и старика-дровосека чудесным деревом в записи от колхозницы Наталии Каллио из дер. Пиртигуба района Калевалы дает еще более осложненное, но вполне соответствующее развиваемой нами концепции, сочетание сюжетов. Согласно этому варианту, чудесное дерево обещает старику, что со временем оно будет полезным ему, лишь бы он его не срубил, но по настоянию старухи на третий раз старик срубает дерево, после чего пень кричит ему вслед: «Коль взял дерево,

<sup>1</sup> Латышские сказки, стр. 170—176.

<sup>2</sup> Марийские сказки, 1941, том I, стр. 136—145.

<sup>3</sup> Карел. фольклорн. фонд Архива К-Ф Филиала АН СССР, колл. 13.

<sup>4</sup> Русские сказки в Карелии. Петрозаводск, 1947, стр. 52. Кстати, сочетание сюжета о дарителе с мотивом превращения в зверей имеется и во многих других русских народных сказках. См., например, у Афанасьева № 40 (в новом издании № 76), у Худякова № 37, у Смирнова №№ 125 и 240 и др.

возьми и меня!». Пень дает старику золотую ложку и тарелку с золотой головкой, которая и выполняет все просьбы старика, потребовавшего от нее много пищи, денег, хорошую одежду и новую избу. Дальше сюжет этой сказки контаминируется с сюжетом типа «Амур и Психея».

В этой карельской сказке, как и в аналогичных ее русских вариантах, заложено возникшее у крестьян уже сотни лет тому назад предствление о том, что скрытое в наших лесных массивах «зеленое золото» состоит не только из стройных древесных стволов, но заключено и в самой смолистой части дерева — в его пне.

Итак, в связи со всем вышеизложенным не случайно у известного сказителя Господарева сюжеты трех сказок «Две доли», «Про глупого Омелю» и «Про щуку-золотую рыбку» органически тесно переплетаются, контаминируются. Согласно его сказке «Две доли», бедный брат купил за три гроша рыбу, внутри которой оказался кусок золота. Согласно другой его сказке «Про глупого Омелю», в ведро попала золотая рыбка и по ее щучьему велению исполняются все желания Омели. Наконец, согласно третьей сказке Господарева «Про щуку-золотую рыбку», эта рыбка также попадает в ведро, а не в сети, как у Пушкина, и выполняет желания жадной жены рыбака. Этой сказкой Господарева я заинтересовался еще при жизни Господарева, и сказитель мне сказал, что ее он взял не у Пушкина, хотя и знал о существовании пушкинской сказки. Если исходить из порочной, метафизической и космополитической предпосылки А. Н. Веселовского о том, что однажды в доисторические времена возник «золотой запас» фольклорных мотивов, которые позднее лишь механически блуждали из одного сюжета в другой, то тогда следует сюжеты сказок об Омеле и золотой рыбке совершенно не связывать генетически, но мы не можем подходить к проблеме, исходя из таких методологически порочных позиций.

В карело-финской и ижорской фольклорной среде сказка о рыбаке и рыбке обнаруживает древние схождения и с произведениями других жанров фольклора. При первобытно-общинном строе важно знать не получателя даров (которые все равно идут в общий котел), а имеется необходимость познать лишь характер этих даров и самого дарителя, и это обстоятельство пережиточно отразилось, например, в фрагменте руны:

Щука под водой проплыла  
Черноглавая, горб синий, —  
Бросила дары на берег,  
На песок кольцо влатое.  
Щука к берегу вернулась, —  
Черноглавая, горб синий,  
С берега дары убрала,  
Унесла кольцо влатое.<sup>1</sup>

Имеются основания думать, что в случае с допушкинской народной сказкой о рыбаке и рыбке произошло какое-то перемещение устной поэтической традиции с берегов Невы и Ильменского края на Север и даже частично из одной этнической среды в другую: от русских к карелам.

Чем может объясняться и когда могло произойти такое перемещение фольклорной традиции? Ясно, что оно имело место в допушкинские

<sup>1</sup> Suomen kansan vanhat runot, III, 3888, сравн. XIII, 81—83.

времена, так как иначе было бы непонятно, почему сказка о рыбаке и рыбке сюжетно связывается с распространенными среди этнических групп северо-восточной Европы сказками типа «По щучьему веленью». Видимо, это перемещение произошло не сразу, а на протяжении столетий, поскольку в разных местах северо-восточной Европы этот сюжет освобождения пойманной рыбы ценой обещанных освободителю даров разным образом отложился в разных сказках и даже разных жанрах фольклора.

Любопытно, что карельские и русские варианты сказки «По щучьему веленью» связываются не только со сказкой о рыбаке и рыбке, но и контаминируются с сюжетом сказки о царе Салтане. Согласно вышеупомянутому варианту сказки Господарева «По щучьему веленью», Омеля женится на боярской дочери, разгневанный боярин сажает их в бочку и бросает в море, бочка выплывает на остров, где по щучьему веленью появляется дом, такой же как у боярина, вести о чем доходят через корабельщиков до боярина. Омеля делает хрустальный мост до боярского крыльца, и боярин приходит наведать дочь.<sup>1</sup> Кстати, мотив о хрустальном мосте отмечался выше в варианте сказки о рыбаке и рыбке, записанном от олонецкого карела И. П. Естафеева. Но почти полное совпадение с вариантом Господарева мы имеем в записи этой сказки, произведенной от карельской сказительницы М. М. Хотеевой, у которой сказка «По щучьему веленью» также контаминируется со второй частью сюжета сказки о царе Салтане.<sup>2</sup> Разница лишь в том, что у Хотеевой речь идет о царе и царице, а не о боярине и боярышне, как у Господарева. Однако у Хотеевой имеется и другая сказка, где дана первая часть сюжета сказки о царе Салтане, о чем будет сказано ниже.

Одной из популярных сказок русской устной народной традиции, по количеству записей наиболее представленной в фольклорных архивах научных учреждений СССР, является сказка о царе Салтане, использованная и поэтически обработанная А. С. Пушкиным. Но сказка на этот сюжет популярна и среди карел. В одном лишь Олонецком районе Карело-Финской ССР, в карельской этнической среде «ливгиляйзет» в 1936 г. записано 9 вариантов этой сказки. Из них в Видлицах эту сказку отметили записью от колхозников-карел М. Д. Сорокина и А. П. Терентьева. В деревнях Самбатукса и Куйтежи Куйтежского сельсовета того же района сказка записана от престарелых карел П. Е. Петрова и М. Н. Корнилова. В Обжанском сельсовете в деревнях Сарьмяги и Коммуна в том же 1936 г. та же сказка записана от 33-летнего карела М. А. Мелкуева, О. П. Левонина и Баткова. Несколько вариантов той же сказки тогда же обнаружено в Петровском районе К-ФССР в карельской этнической среде «людикот». В частности, эта сказка записана от 73-летнего неграмотного карела села Мунозеро В. М. Артукова.

Среди собственно карел в одном лишь 1937 г. в Сегозерском, Ругозерском, Кемском районах и районе Калевалы К-ФССР сказка о царе Салтане записана в 8 вариантах, в частности от 60-летней карелки дер. Лазарево М. Н. Морозовой, 57-летней колхозницы дер. Ондозеро карелки Д. Л. Клементьевой, 63-летней карелки села Ругозеро А. Ф. Аникиевой,

<sup>1</sup> Сказки Господарева. Петрозаводск, 1941, стр. 249—254.

<sup>2</sup> Такая контаминация имеется не во всех карельских вариантах сказки «По щучьему веленью». Так, она отсутствует у северно-карельской сказочницы М. Михеевой, рассказывающей о том, как старшие братья уезжают в Швецию, а младший Иван Пепельник, поймав коробом из лучины щуку, привозит этим коробом воду, по щучьему веленью привозит из лесу дрова и, в конце концов начинает жить лучше, чем царь.

77-летней сказительницы дер. Пертозеро карелки Е. И. Сидоровой и от известных сказительниц-карелок села Ухта и Вокнаволок М. М. Хотеевой, М. И. Михеевой и М. А. Ремшу. Производились записи и позднее.

Анализ всех перечисленных и сильно отличающихся друг от друга карельских вариантов сказки о царе Салтане завел бы нас очень далеко и поэтому ограничиваемся лишь некоторыми замечаниями. Прежде всего отметим различие двух вариантов, записанных от одной и той же сказительницы Аникиевой в 1937 и 1941 годах. Согласно первому варианту, одна сестра обещает родить трех сыновей за один раз, другая сестра берется изготовить три кудели льна. В другом варианте речь идет о девяти сыновьях за три раза и о девяти куделях. В первом варианте говорится о том, как сын царевича чудесным образом с помощью пруга изготовляет дом. Согласно другому варианту, он сам строит двухэтажный дом. В общем и целом второй вариант в записи значительно полнее первого.

От ухтинской сказительницы М. И. Михеевой записано две еще более различных версии сказки на сюжет о царе Салтане. Первый вариант дает очень близкую к русской устной народной традиции и, в значительной мере, солдатскую трактовку этого сюжета, в чем нет ничего удивительного, если учтем то, что за долгие годы совместной солдатской жизни русские и карелы-солдаты могли достаточно сблизить свои варианты рассматриваемой сказки. Во второй версии М. И. Михеевой сюжет сказки о царе Салтане дает сложное сочетание со сказочными сюжетами о чудесных помощниках и чудесных вещах и композиционно отличается как от русских, так и от карельских вариантов этой сказки.

Нередко карельские варианты о царе Салтане содержат лишь перзую часть сюжета этой сказки, контаминирующейся с типичными карельскими сказками о злой старухе Сюятар, превращающей жену царевича, например, согласно варианту М. М. Хотеевой, в черную утку.<sup>1</sup> Фактически эта Сюятар в варианте Хотеевой заменяет завистливых сестер жены царевича и бабу Бабариху.

Своеобразный вариант сказки о царе Салтане записан в 1937 г. от сказительницы с. Сельги Сегозерского района К-ФССР М. В. Исаковой. Согласно ее варианту, одна из трех сестер рождает Ивану Касьянову за три раза девять сыновей с золотыми руками. Иван Касьянов едет бурлачить в Питер. Старуха Сюятар подменяет письмо у вестника, и до Ивана Касьянова доходят вести о том, что его жена якобы родила щенят. На обратном пути Сюятар также подменяет письмо с тем, чтобы убили новорожденных. Так три раза. Тогда жену, по наущению Сюятар, кладут в дубовую бочку и бросают в море. Бочку выкидывает на остров, где жена Ивана находит своих сыновей. Иван Касьянов приходит навестить ее, и все благополучно разъясняется.

Все упомянутые сказители-карелы могли усвоить эту сказку в основном лишь через устную фольклорную традицию допушкинского времени, что видно хотя бы из того, что она все же значительно отличается от пушкинского текста сказки. Во всех карельских вариантах, разумеется, отсутствует имя царя Салтана и, развиваясь уже при возникновении на своей конкретно-исторической карельской фольклорной почве, эта карельская сказка сближается с русской народной сказкой на тот же сюжет.

<sup>1</sup> Перевод этой сказки см. «Карельский фольклор», сост. В. Евсеев, Петрозаводск, 1949, стр. 73—78.

Впрочем частичное влияние пушкинского текста на карельские, как и на русские варианты народной сказки о царе Салтане, может быть и нельзя отрицать.

Безусловно, имея возможность пользоваться разнообразными источниками, великий русский поэт отдавал из них предпочтение русским народным сказкам, так прекрасно исполнявшимся его няней — Ариной Родионовной, от которой в свое время и была произведена А. С. Пушкиным запись этой сказки. Будучи уроженкой Псковской губернии, Арина Родионовна продолжала ту сказочную традицию, которая при ее жизни бытовала в ее родных краях и которую (придя ей на смену) прекрасные сказки Пушкина, возможно, и обновили, превратившись в их народные переделки.

Однако можно считать, что эта допушкинская устная традиция сказок о рыбаке и рыбке и царе Салтане из местности от Псковского озера и до Невы, как и с Карельского перешейка, в петровскую и послепетровскую эпоху в какой-то мере вместе с некоторыми прослойками карело-финского и старообрядческо-русского населения частично перемещалась на Север, встретившись здесь с местной версией сказок на эти сюжеты, слилась с ней, в результате чего и появились вышеотмеченные контаминации сюжетов сказки о царе Салтане и о кознях злой старухи Суютар. Член-корреспондент Академии наук СССР проф. Бубрих относил последнюю самую слабую волну переселения в Карелию этнических элементов, включившихся в окончательный этногенез карел, к петровской эпохе. Причины такого переселения могли быть разными. Но одним из поводов к этому был гнет и насилие придворной знати иноземного происхождения, выпавшие на долю населения, проживающего на дарственных землях, полученных этой знатью за те или иные услуги от русских царей. Предания о подобного рода «беглых», скрывавшихся в северной Карелии и ассимилировавшихся с местным населением, широко бытуют среди карел.

Из придворной знати, из крупных владельцев так называемых дарственных земель на территории, отошедшей от Швеции к России и населенной финнами и ижорами, был знаменитый «Арап Петра Великого» — Абраим Петрович Ганнибал. Переведенный при царице Елизавете в 1752 г. заведывать делами по разграничению земель со Швецией, Ганнибал был награжден царицей крупными имениями на территории, отошедшей от Швеции к России. В связи с этим не случайно некоторые варианты финской народной песни сохранили живое воспоминание об этом «арапе» — представителе феодально-помещичьих кругов царской России. Согласно одному варианту, записанному в Белоострове на Карельском перешейке в 1847 г.:

Грозный барин из Панккова,  
Тот «арап» премного строгий,  
Угнетал крестьян в вотчине,  
Их довел до изнуренья:  
Надрывались в барском доме,  
Жалуясь на гнет боярский,  
Пятерых в постель свалил он,  
Шестерых бежать заставил.<sup>1</sup>

Любопытно, что в одной ижорской свадебной песне строгая свекровь сравнивается с этим памятным для ижор строгим «арапом».<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Suomen kansan vanhat runot, V, 2380.

<sup>2</sup> Там же, IV, 3478.

Не столь важно: был ли Ганнибал таким, каким его изображает народная песня. Известно лишь, что даже Пушкин отмечал в своем предке по матери некоторые деспотические черты характера.

Тот же самый Ганнибал был верным русскому оружию солдатом Петра Первого и считал, что безопасность Петербурга можно обеспечить, в частности, путем насильственных мер по отношению к нерусскому населению окрестностей Петербурга. Другие представители придворной знати иноземного происхождения допускали по отношению к местному населению еще больший произвол, от которого и бежали на север более свободлюбивые элементы. То обстоятельство, что народная песня о неудачной для русского оружия битве под Нарвой, разыгравшейся в начале войны Петра Первого с Карлом XII, записана, с одной стороны, среди финнов-ижор, а с другой стороны, лишь в северной Карелии; что ни в северном Приладожье, ни в южной Карелии бытование этой песни не отмечается, — дает основание говорить о перенесении, вместе с какой-то частью населения, указанной исторической песни из окрестностей Петербурга прямо в северную Карелию. Притом это могло произойти либо в петровскую, либо послепетровскую эпоху. Возможно, в результате битвы под Нарвой даже в Лоухском районе К-ФСР появилась деревня Нарвозеро. В те же времена вновь полностью перешедшие на карельскую речь отдельные группы финнов-ижоров переселились и в другие районы восточной Карелии, что подтверждается их не карельскими фамилиями (например, фамилия Невалайнен в Ругозерском районе К-ФСР), отсутствовавшими даже в таких, более древних по отношению к эпохе Петра Первого, актах, как Писцовые книги Обонежской пятины.

Вместе с этой волной переселения, через упоминаемых в карельских преданиях «беглых», в петровскую эпоху произошло, видимо, одно из последних перемещений предпушкинской устной народной традиции сказок о рыбаке и рыбке и о царе Салтане с территории между Псковским озером и Невой на Север и, в частности, в восточную Карелию. Сказки сказительницы-карелки дер. Лазарево Сегозерского района К-ФСР М. И. Морозовой, возможно, каким-то образом и связаны со сказочной традицией дарственных земель, принадлежащих хозяину предков Арины Родионовны — Арапу Петра Великого», поскольку от М. И. Морозовой записана не только сказка на сюжет о царе Салтане, но и новеллистическая сказка о Питерском Арапе, желавшем с помощью своей любовницы-купчихи скушать птицу, которая давала бы способность своему поедателю «плевать золотом». Разумеется, сюжет этой распространенной сказки возник задолго до эпохи Петра Первого, но переосмысление этой сказки в качестве народно-политического памфлета, направленного против «Арапа Петра Великого», которому благоволила царица Елизавета Петровна, уредоставившая ему прибыльную, «пахнущее золотом» дело по разграничению земель со Швецией, — могло произойти, в частности, и на дарственных землях этого «арапа». После перенесения этой сказки-памфлета вместе с беглыми в далекую от Питера (места ее действия) восточную Карелию, царский вельможа, крупный землевладелец-дворянин превратился в сказке в обычного Питерского Арапа, но его имя все же, повидимому, выдает историческую личность, так реалистически изображенную его великим потомком, русским народным поэтом, преодолевавшим классовую ограниченность дворянства.

\* \* \*

Из вышеизложенного можно сделать такой вывод, что русский фольклор оказал, действительно, благотворное влияние на устную карело-финскую словесность, развиваясь с ней по соседству, в сходных социально-экономических условиях многовековой дружбы русских, карел и ижор, которая лишь крепла благодаря совместному оказанию карелами и русскими противодействия феодально-помещичьему гнету русского самодержавия, почти одинаково ложившемуся на плечи всего местного населения, независимо от его этнического состава. Одновременно следует отметить не только факт широкого использования народной сказочной традиции Пушкиным в его сказке о рыбаке и рыбке и о царе Салтане, но и частично обратное воздействие высокохудожественных текстов пушкинских сказок на фольклор